

- 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43–43об.
- ¹⁰ Общественно-политическая биография В. В. Буша канд[идата в члены] ВКП (б) с [19]30 г. Автограф // Отдел рукописей Российской научной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 117 (В. В. Буш). Оп. 1. Д. 28. Л. 9–10об.
- ¹¹ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43–43об.
- ¹² Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от [14 октября] 1928 г. // Отдел рукописей и редких книг Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич СГУ (ОРРК ЗНБ СГУ). Личный фонд А. А. Герасимова.
- ¹³ Выписка из протокола № 8 заседания правления Саратовского государственного университета, состоявшегося 16 февраля 1928 г. // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 43об.
- ¹⁴ Письмо П. С. Рыкова А. А. Герасимову от 21 марта 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ¹⁵ Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от [14 октября] 1928 г. // Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Письмо П. С. Рыкова А. А. Герасимову от 25 июня 1930 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ²⁴ П. С. Рыков был арестован органами НКВД в середине августа 1937 г., а 24 января 1938 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства», приговорен к 10 годам заключения, с отбыванием наказания во Владлаге, близ г. Владивостока. Здесь он 26 марта 1942 г. и умер. В 1956 г., спустя 14 лет после смерти, П. С. Рыков был полностью реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС.
- ²⁵ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от [кон. февраля – нач. марта 1928 г.] // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 292.
- ²⁶ Письмо Н. Н. Пеннер А. А. Герасимову от 1 марта 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ²⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 286.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Заявление С. Н. Чернова в Бюро Секции научных работников губотдела Рабпрос в Саратове. Москва, 9 марта 1928 г. Автограф // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 42–42об.
- ³⁰ Протокол № 7 заседания Бюро Секции научных работников от 8-го мая 1928 года // ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 407. Л. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Письмо С. Н. Чернова А. А. Герасимову от 9 сентября 1928 г. // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Герасимова.
- ³³ См.: Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г. // Чернов С. Н. Павел Пестель... С. 286–287.
- ³⁴ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 апреля 1928 г. // Там же. С. 288.

УДК 9(470.44)«1905/1907»

С.Ю. ВИТТЕ И СЛЕД ГАПОНОВЩИНЫ В САРАТОВЕ

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: StepanovUG@list.ru

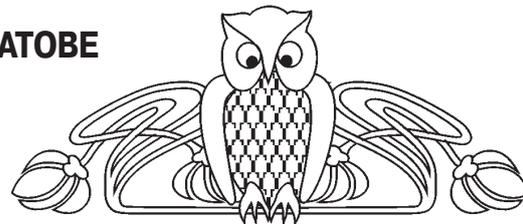
В статье рассматривается политическая деятельность С.Ю. Витте в годы Первой русской революции. Связь Витте с авантюристом Г.А. Гапоном доказывается архивными источниками из фондов Саратовского архива. Вниманию читателей представлен ранее неизвестный материал.

S. Yu. Vitte and Track of Gaponovschiny in Saratov

Yu.G. Stepanov

In article S.Yu. Vitte's political activity within the First Russian revolution is considered. Communication S.Yu. Vitte with adventurer G.A. Gapon archival sources from funds of the Saratov archive. The unknown material is submitted to attention of readers earlier.

«Выдающийся государственный деятель», «крупный политик», «дипломат», «реформатор»

– все эти оценки личности С.Ю. Витте издавна закрепились в отечественной историографии. Но была и другая сторона в деятельности Витте, которая стала предметом интереса историков сравнительно недавно, в том числе и закулисная деятельность председателя Совета министров в годы Первой русской революции.

По складу характера и убеждениям С.Ю. Витте никогда не был сторонником ограниченной монархии. Самодержец, в политической философии Витте, только необходимый компонент механизма власти, но реальная власть не обязательно должна находиться в руках самодержца российского. К Александру III он относился с уважением и опаской, но по аристократически высокомерно. Николая II презирал почти открыто. Подобно британской дипломатии Сергей Юльевич не имел

вечных союзников, имея в виду только «вечный интерес» – власть, он практически менял и сдавал «союзников» в зависимости от расклада сил и политической ситуации.

Уже события 9 января показали, как выстраивал Сергей Юльевич сценарий будущих событий, в которых он должен будет играть главную роль.

Вечером 8 января Витте отказал всем пытавшимся предотвратить трагедию Кровавого воскресенья. Известный общественный деятель, правовед И.В. Гессен дважды лично и затем в составе делегации, умолял Витте принять меры, чтобы не допустить кровопролитие. Витте, сославшись на некомпетентность, твердо отказал всем просителям в содействии, не забыв при этом указать на возможных виновников несчастия: министра финансов В.Н. Коковцова, министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского и ... Николая II¹. «Завязав тайные сношения с Гапоном, Вы умыли руки 9 января...», – отмечал близкий С.Ю. Витте публицист И.И. Колышко².

17 января 1905 г. на первом после Кровавого воскресенья заседании Совета министров А.С. Ермолов «высказал свое глубокое убеждение в безусловной необходимости привлечь общественные силы к участию в решении вопросов государственной важности»³. Витте, по словам В.И. Гурко, отнесся к предложению министра земледелия и государственных имуществ «довольно холодно»⁴. Годы спустя, уже в отставке Сергей Юльевич признавал: «если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу»⁵.

Итак, побоище 9 января не было для Витте неожиданностью. Однако сразу после Кровавого воскресенья он негодовал «на неразумные действия полиции и доказывал, что нельзя было пускать в ход оружие»⁶. Витте почти открыто интриговал против правительства Святополк-Мирского не только «в петербургских кабинетах». Так, от третьего лица (вполне, впрочем, всеми узнаваемого) в парижской прессе появилось интервью, где заявлялось, что «не соглашается принять этот пост (министра МВД. – Ю.С.) и Витте, если только ему вместе с титулом канцлера не предоставят полной свободы применить свою программу»⁷. Витте не только ожидал кровавых столкновений 9 января, прекрасно осознавая их неизбежность, он был в этом *заинтересован*. Гурко, анализируя политический блицкриг Витте, совершенно верно писал: «Создавалось впечатление, что правительственный курс остается прежним, а рядом с ним возник курс, инициатором которого и деятельным, но бессильным проводником является Витте, с правительственной деятельностью не солидарный <...> на Витте смотрели как на борца за общественную свободу»⁸.

До какого-то времени эти расчеты оправдавались. К осени 1905 г. паника в верхах достигла апогея. Витте, который «знает себе цену и диктует

условия», утром 17 октября спешно переделал Манифест, с которым и явился к самодержцу.

По словам И.И. Колышко, литературного агента Витте, редактировавшего текст манифеста, премьер наставлял его с циничной откровенностью: «Напишите два доклада: для царя и для публики. У царя надо отшибить страх от конституции. Но осторожно, обводите его как пугливого коня, возле куста. Ну, а для публики – чтобы всем было ясно, что конституцию я дам, но не сразу. Постепенно. Поняли?»⁹.

Витте никогда не рассматривал Манифест 17 октября как Конституцию. Главное для него, было сбить накал революционной борьбы и остаться у власти. Свой тактический маневр Витте, раздраженный недогадливостью августейшего монарха, объяснял ему предельно откровенно: «Прежде всего, постарайтесь водворить в лагере противника смуту, бросьте кость, которая все пасти, на Вас направленные, направит на себя»¹⁰.

Безусловно, Витте – крупный и опытный политик. Но опыта действий в условиях развивающейся революции у него не было, и быть не могло. С этим и связаны его главные просчеты. Он полагал, что после Манифеста 17 октября станет для императора спасителем монархии, для правых спасителем Отечества, для либералов «отцом русской Конституции», с революцией же покончит с помощью решительного и жесткого П.Н. Дурново, на которого и падет вся ответственность за пролитую кровь. Реальность опровергла этот сценарий.

Прежде всего не оправдался расчет Витте на послушание П.Н. Дурново. В октябре 1905 г., добиваясь расположения представителей общественности, Сергей Юльевич согласовывал с либералами состав кабинета министров. На ключевую должность министра внутренних дел была предложена кандидатура П.Н. Дурново, решительно отклоненная представителями общественности. Тем не менее, Сергей Юльевич убедил Николая II назначить своего ставленника управляющим министерством. Тайный подтекст настойчивости Витте, лоббировавшего назначение Дурново, точно определил министр народного просвещения И.И. Толстой: «Я думаю, что он (Витте. – Ю.С.) ... знал, что реформы гладко не пройдут, что так или иначе придется прибегнуть к репрессиям <...>»¹¹. Предложенный П.Н. Дурново рецепт борьбы с крамолой – «к стене и расстрелять» – вызывал тайное сочувствие Витте. Но «лечить» общество по таким рецептам должен был тот, кто их предложил. В тот момент Витте, конечно, не мог предположить, что именно П.Н. Дурново с декабря 1905 г. станет для Николая II «самым верным и преданным слугой монархии» и оттеснит своего «благодетеля». Витте явно переоценил свои силы, полагая, что может по своему усмотрению использовать Дурново.

Кроме того, как оказалось, Дурново – полицейский с опытом собирал компромат на Витте и держал его в своих руках (об этом далее).

Расчет на всеобщее умиротворение после обнародования Манифеста 17 октября не оправдался, что вызвало у Витте определенное замешательство. По свидетельству В.А. Маклакова, «правые уверяли», что Витте намеренно дает революции разрастаться, мечтая «стать президентом Российской республики». Сам же отставной премьер-министр уверял, что «это делал сознательно, хотел покончить с революцией сразу, как когда-то Тьер покончил с Коммуной»¹². Это признание Витте показательно. Думается, в этом случае несостоявшийся «отец русской конституции», что называется, проговорился. Именно в этом и состоял его план.

С ноября 1905 г. С.Ю. Витте то запугивает царя отставкой, то истерически требует военной расправы с крамолой. Никто иной, как С.Ю. Витте призвал использовать войска для подавления революции. Уже 8 ноября 1905 г. он настаивает на подавлении революции в Прибалтике самым решительным образом. Далекое не сентиментальный генерал-губернатор временного Прибалтийского генерал-губернаторства В.У. Соллогуб был вынужден оправдываться: «Собственно в г. Риге не представлялось пока возможным проявить беспощадную воинскую репрессию». Далее Соллогуб извещает председателя Совета министров о принятии необходимых мер, в частности, что один из агитаторов расстрелян, а «дом другого сожжен»¹³.

По настоянию Витте в декабре 1905 г. Николай II приказал созвать совещание «об изменении дислокации войск» под председательством самого Витте¹⁴. П.А. Столыпин по части использования войск в карательных целях был только исполнителем идеи, высказанной Сергеем Юльевичем еще 24 декабря 1905 г.

Весной 1906 г. по инициативе С.Ю. Витте и П.Н. Дурново высшие сановники обсуждали вопрос о предоставлении царю чрезвычайных прав «в видах предотвращения грозящей государству опасности». Вряд ли стоит сомневаться, что речь шла о роспуске Думы. Обрисовав собравшимся министрам и сенаторам «грозящую государству опасность», Витте умозаключил: «Несомненно, что это будет государственный переворот, но его лучше основать на законе». Предложение Витте поддержки у собравшихся не нашло. «Во всем мире нет таких законов, которые предусматривали бы государственный переворот», – резонно возразил министр юстиции М.Г. Акимов. Отказался от идеи «легитимного» государственного переворота и самодержец российский. Видимо, и для него это было бы слишком¹⁵. Не получив поддержки своим планам, Витте, тем не менее, не отказался от идеи переворота, поручив В.П. Литвинову-Фалинскому, управляющему в Министерстве

торговли и промышленности, «следить за наступлением подходящего часа»¹⁶.

Нервозность С.Ю. Витте, его метания из крайности в крайность не остались без внимания самодержца, который все менее и менее доверял своему премьер-министру. К весне 1906 г., когда влияние Витте значительно упало, вспыхнул скандал, который и стал началом конца карьеры Витте и его мечтам стать «русским Тьером».

Весной 1905 г. в печать просочились сведения о связи председателя Совета министров с Гапоном. Этот скандал председатель Совета министров пытался погасить, подставив под удар своего подчиненного. С.Ю. Витте настаивал, что министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев «без моего ведома [...] выдал 30 тыс[ячь] руб. [лей] Матюшенскому для организации рабочих, организации по тому времени умеренной, не революционного характера.

Матюшенский же эти деньги похитил, выдав рабочим только 6 тыс[ячь] руб. [лей], и обо всем этом инциденте я узнал только из газет. Одновременно выяснилось, что Тимирязев принимал у себя известного священника Гапона, которого за несколько месяцев перед тем я выслал из России с запрещением ему въезда в Россию»¹⁷.

На самом деле, как установили исследователи, В.И. Тимирязев действовал по поручению С.Ю. Витте, финансировавшего Гапона. «Приняв представителя Гапона журналиста Матюшенского, просившего о возобновлении деятельности гапоновских организаций и легализации их руководителя, нелегально вернувшегося в столицу, Витте поручил вступить в контакт с Гапоном состоявшему при премьер-министре охраннику и известному аферисту И.Ф. Манасевичу-Мануйлову (журналист, известный сомнительными делами, близкий друг Григория Распутина, расстрелян в 1918 г. – Ю.С.). Сам же Гапон получил субсидию в 500 руб. из личных средств Витте и был укрыт Мануйловым за границей. Затем Витте решил использовать «авторитет» Гапона, чрезвычайно популярного какое-то время в революционных кругах и среди рабочих»¹⁸.

Отметим, что о зубатовских обществах Витте знал с момента их создания. Негласно поддерживая идею «полицейского социализма», он предпочитал держаться в стороне, не афишируя своего участия в этом двусмысленном предприятии. Так, в 1903 г. по инициативе С.В. Зубатова Гапон направил председателю Комитета министров С. Ю. Витте записку с просьбой о содействии в легализации рабочих организаций, созданных под надзором полиции. Как следствие, в августе того же года, получив поддержку от петербургского градоначальника И.А. Фуллона, Гапон основал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»¹⁹. А осенью 1904 г. при поддержке Министерства финансов было учреждено Петербургское общество взаимопомощи в механическом производстве. Его пред-

седателем стал деятельный участник зубатовских обществ М.А. Ушаков, «состоявший в переписке с Витте»²⁰. Его и направил Витте к вел. кн. Николаю Николаевичу вечером 16 октября, добившись через князя М.М. Андроникова (известного авантюриста, впоследствии ближайшего друга Григория Распутина), чтобы великий князь принял «человека из народа»²¹. «Наказ» Ушакову был дан вполне определенный: представить великому князю положение дел в таком свете, что немедленное дарование конституции может отвлечь вооруженную революцию ...»²².

Гапон был тщательно проинструктирован премьер-министром о дальнейших действиях. Для этого в Париж была отправлена отредактированная по указаниям Витте «программа» воззвания Гапона к рабочим. «Воззвание» должно было указать рабочим на «необходимость приостановиться на пути освободительных стремлений, с целью удержать за собой и закрепить занятые позиции» (подсказывалось, таким образом, не только содержание, но и псевдореволюционная фразеология воззвания). И священник-социалист призывал: «Ни шагу вперед», «укрепляй завоеванные позиции»²³. Переехав в Финляндию, Гапон предложил С.Ю. Витте и П.Н. Дурново продать за 100 тыс. руб. известную ему революционную организацию. В переговоры с ним вступил П.И. Рачковский – заведующий заграничной агентурой Департамента полиции. Кроме услуг по чисто полицейской части, Гапон оказывал Витте услуги и другого рода. В своем интервью, данном репортеру «Матэн», он защищал русские финансы, царское правительство и лично Витте. «Юманите» справедливо указала по поводу этого интервью, что Гапон продан Витте. В роли ходатая по делам гапоновских организаций выступал связанный с Витте Н.А. Демчинский. «Кроме сумм, прямо положенных Гапону в карман, министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев выдал Матюшенскому, направленному к нему Витте в сопровождении все того же Мануйлова, 30 тыс. руб. на возобновление деятельности гапоновских организаций. Но тут-то вся эта история, обставленная, разумеется, величайшей секретностью, и получила огласку, попав в печать, благодаря тому, что Матюшенский, отдав гапоновцам 7 тысяч, присвоил себе остальные, в чем был ими уличен»²⁴. По требованию царя П.Н. Дурново представил ему верноподданную записку, где и раскрывались тайные связи Витте с Гапоном. После этого председатель Совета министров и был отправлен в отставку.

Тем временем сам А.И. Матюшенский, главный фигурант всего этого скандала, находился в Саратове. В Саратовском областном архиве сохранились воспоминания Н.М. Архангельского – редактора газеты «Саратовский край», вспоминавшего о «явлении» Матюшенского в «столицу Поволжья». Записи Архангельского, неизвестные исследователям, раскрывают некоторые весьма

неожиданные страницы попытки восстановления в России системы полицейского социализма.

Архангельский вспоминал, что его случайный знакомый, средний руки столичный журналист А.И. Матюшенский объявился в Саратове в начале января 1906 г. По словам мемуариста, Матюшенский заявил, что его должны были арестовать, поэтому он, заручившись рекомендательным письмом от А.А. Столыпина – родного брата П.А. Столыпина – решил скрыться в Саратове. По этому поводу Е.М. Архангельский заметил: «В то время, действительно, бывало так, что достаточно было человеку выехать из одного города, и его не трогали в другом. Поэтому объяснение Матюшенского мне показалось правдоподобным»²⁵. Между тем спокойствие столичного визитера, находившегося под угрозой ареста, более чем странно. Во-первых, к своему брату, умеренно консервативному публицисту – П.А. Столыпину относился пренебрежительно. С чего бы вдруг в разгар революции жесткий и непримиримый губернатор Саратова вдруг прислушался к просьбам «петербургского писаки» «приютить» разыскиваемого полицией «государственного преступника»? Во-вторых, П.А. Столыпин вел бескомпромиссную войну с местной либеральной и социалистической прессой. Прибытие в губернский город еще одного журналиста – оппозиционера с «сомнительной репутацией» было ему совершенно ни к чему. Вероятно, Матюшенский придумал себе «биографию» беглого преступника. Во всяком случае, как оказалось, врал Матюшенский часто, в чем вскоре убедился и Архангельский, и многие другие как в Саратове, так и вне его.

Итак, по сведениям, просочившимся в прессу, Матюшенский, получив от С.Ю. Витте 30 тыс. руб. на восстановление гапоновских обществ, прибрал к рукам более 20 тыс. руб., передав «единомышленникам» оставшиеся 6 или 7 тыс. По общему убеждению, Матюшенский банально украл большую часть денег, что и стало причиной разразившегося скандала. Однако воспоминания Н.М. Архангельского опровергают эту версию.

По словам редактора «Саратовского края», Матюшенский «жил довольно уединенно, чисто обывательски <...> поселился в небольшой, в четыре комнаты, квартире вместе с женой»²⁶. Если бы А.И. Матюшенский был обычным мошенником, он с суммой в 30 тыс. руб. мог легко оказаться вне пределов охваченной революционной смуты России и жить, например, в Париже на широкую ногу. Матюшенский же предпочел скромную жизнь в Саратове. Более того, строил планы купить одну из местных газет. Архангельский сообщает: «Начались переговоры. Матюшенский считал, высчитывал и торговался чуть не из-за каждого рубля. За газету он предлагал 15 тыс[яч] руб[лей] и ни копейки больше <...>»²⁷. Потерпев неудачу с «Приволжским краем», Матюшенский обратил свое внимание на «Саратовский дневник». «Издатель его В. К. Самсонов как раз тоже

испытывал денежные затруднения, и потому предложение Матюшенского принять его в компанию по издательству и 15 тыс[яч] было принято Самсоновым очень благосклонно. И на этот раз Матюшенский входил во все подробности дела, просил представить смету, отчеты и т. п. При этом как-то сказал, что если понадобится, он может *увеличить сумму взноса до 20 тыс[яч]руб[лей]*» (курсив мой. – Ю.С.)

Таким образом, Матюшенский на покупку газеты готов был потратить 20 тыс. руб., то есть $\frac{2}{3}$ из того, что получил от С.Ю. Витте. Архангельский подчеркивает настойчивость Матюшенского в стремлении приобрести газету. Для чего же посланник Витте пытался любыми средствами «заполучить» право издаваться в Саратове? Цели этой акции бывший столичный журналист перед Архангельским, которого он считал «своим», не скрывал. Архангельский вспоминал: «Он предлагал пока издавать еженедельную газету, причем говорил, что для успеха ее надо взять смелый, даже «резкий» тон. Я возражал, что на «тоне» далеко не уедешь, что время еженедельных газет прошло, а за «резкость» газету закроют.

– Нет, зачем же! Мы поведем дело умненько. Мы подвергнем критике тактику левых партий и тем гарантируем себя от репрессий.

Я насторожился. Хотя я и скептически относился к тактике левых, но считал, что в то время было неполитично выступать против них, так как начинало уже чувствоваться, и довольно сильно, дуновение реакции <...> Мне план Матюшенского – дискредитировать тактику левых, хотя и с «полным уважением к ним», – показался подозрительным»²⁸.

В разгар всех этих переговоров и разразился скандал, Матюшенский в Саратове был арестован. Н.М. Архангельский удивлялся: «<Вопрос> почему после этого Матюшенского в тот же день выпустили на свободу, – тоже является загадочным»²⁹. Уж не потому ли, что «во всей этой истории были замешаны слишком влиятельные люди, которым арест Матюшенского мог причинить много неприятностей?»³⁰. Предположение весьма резонное. Отдать приказ о немедленном освобождении гапоновца-неудачника мог либо глава МВД, т.е. П.Н. Дурново, либо сам С.Ю. Витте. Очень примечательна фраза А.И. Матюшенского о необходимости поездки в Петербург. По его словам, «в газетах *может* (курсив мой. – Ю.С.) появиться сообщение, что я получал от Витте через Тимирязева деньги для гапоновской организации. Если это станет известно – все пропало»³¹. А.И. Матюшенский, таким образом, намеревался погасить нарастающий скандал *до того*, как сведения, порочащие Витте, попадут в печать. Следовательно, он был об этом предупрежден в момент так называемого ареста, другой возможности узнать о готовящихся в Петербурге событиях у него просто не было.

Свою версию происшедшего А.И. Матюшенский поместил в парижском издании³². В своей исповеди он пытался доказать, что «Витте дал эти деньги на организацию черной сотни, а Матюшенский взял их, чтобы употребить на дело революции, чтобы отсюда поднять поволжских старообрядцев легендой, что в России воцарился антихрист. А так как связи с местными революционерами он растерял, то для возобновления их, он некоторое время решил пожить в Саратове»³³. Комментируя эту «исповедь», Архангельский заявлял совершенно определенно: «Ни с какими революционерами Матюшенский в Саратове не искал знакомства. <...> Если бы затея с издательством была придумана лишь для отвода глаз, он не интересовался бы такими подробностями дела, какими может интересоваться только человек, действительно решающий вложить в это дело труд и деньги»³⁴. Подытоживая свои воспоминания о «деле Матюшенского», Архангельский сделал выводы, с которыми трудно не согласиться: «Вор ли он? (Матюшенский. – Ю.С.) Формально – да. Он взял чужие деньги. Но едва ли он имел в виду присвоить их себе на личные свои потребности. По-видимому, он хотел продолжать гапоновскую авантюру в Саратове на свой страх и риск: вести контрреволюционную работу, прикрываясь сочувствием к революции. Для этого и нужна ему была газета – и именно демократическая. Она не только была средством влиять на публику, но при ее помощи он мог завести связи с местным обществом, особенно с рабочими, проникнуть в их среду и продолжать дело Гапона. Почему именно в Саратове – понятно: Саратов издавна считался «очагом крамолы»...

Но сделал все это Матюшенский на свой страх и риск, без ведома центральной организации – и этот неосторожный шаг разрушил весь его план.

Почему именно он поступил так – остается загадкой, как и многие другие во всей гапоновской истории»³⁵.

Загадкой остается многое, связанное с личностями Витте, Гапона в ходе первой русской революции. Думается, что дальнейшие исследования откроют многие ранее неизвестные страницы закулисной деятельности первых лиц самодержавного государства, в частности, Витте.

Революция 1905–1906 гг. внесла определенный надлом в самосознание русской политической элиты. В условиях политического кризиса, отсутствия единой программы действий в правительстве, слабости монарха Витте пытался добиться стабилизации политического режима и закрепиться у власти средствами, очень далекими от легитимных. В этом отношении закулисная деятельность председателя Совета министров стала предвестием распутинской камарильи накануне падения самодержавия.

Примечания

- 1 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 521 (прим. к с. 119); См. также: *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 145–146.
- 2 Баян. Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, б.г. С. 17.
- 3 См.: Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. № 1(8). С. 49–69.
- 4 *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. М., 2000. С. 436.
- 5 *Корелин А.П., Степанов С.А.* Указ. соч. С. 147.
- 6 Там же. С. 146.
- 7 Там же.
- 8 *Гурко В.И.* Что есть и чего нет в Воспоминаниях графа Витте // Русская летопись. Париж, 1922. № 2. С. 108.
- 9 Баян. Ложь Витте. С. 31.
- 10 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте. СПб., 1999. С. 341.
- 11 Воспоминания министра народного просвещения И.И. Толстого. М., 1997. С. 179.
- 12 *Маклаков В.А.* Первая революция // Современные записки. Париж, 1934. С. 330.
- 13 Революция 1905 года и самодержавие. Л., 1928. С. 34–37.
- 14 Там же. С. 34.
- 15 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 555. (прим. к с. 468).
- 16 Там же.
- 17 Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 854–855.
- 18 С.Ю. Витте в своей лжи был изобличен документально и неоднократно. Так, современные исследователи прямо

- указывают: «в архиве Витте был и другого рода документ, на который Витте предпочел в мемуарах не ссылаться. Это была копия письма к Дурново самого Гапона, в котором Гапон писал о своих связях с Витте как о чем-то совершенно несомненном. К тому же Витте не мог не знать и о всеподданнейшей записке Дурново, к которой было приложено несколько документов, совершенно изобличивших премьер-министра в попытке возрождения гапоновщины» (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 350).
- 19 Вероятно, Гапон получал денежное вознаграждение и от Зубатова за сведения о рабочем движении, и одновременно от МВД за информацию о деятельности самого жандармского полковника.
- 20 *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972. С. 168–170.
- 21 См.: *Ушаков М.А.* Воспоминания о беседе с великим князем // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 413 – 417.
- 22 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 466.
- 23 См. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 347–349; см. также: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 408–409.
- 24 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 349.
- 25 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2231. Л. 18.
- 26 Там же. Л. 19, 20.
- 27 Там же. Л. 19.
- 28 Там же. Л. 22.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 23.
- 32 См.: Красное знамя. Париж, 1906. №5.
- 33 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2231. Л. 24.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 25.

УДК 141(470–89)«1850/1880»

П.В. АННЕНКОВ И РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ (вторая половина 50-х – начало 80-х годов XIX века)

В.А. Китаев

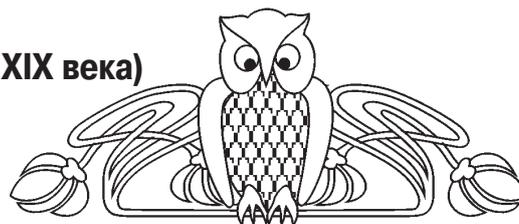
Нижегородский государственный университет,
кафедра методологии истории и исторической информации
E-mail: Vlakit@mail.ru

Анализируя письма П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу, автор устанавливает его принадлежность к кругу русских либералов эпохи Великих реформ, выявляет некоторые особенности и моменты эволюции общественно-политических взглядов этого крупного литературного деятеля.

P.V. Annenkov and Russian Liberalism (the Second Half of the 1850-s – the Beginning of the 1880-s.)

V.A. Kitaev

Analyzing the letters of P.V. Annenkov to I.S. Turgenev, the author determines his belonging to the circle of Russian liberals of the epoch of

the Great reforms, reveals some peculiarities and moments of evolution of the social and political views of this prominent literary figure.

Сравнительно недавно опубликованные письма П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу¹ не использовались in cogroge как источник для характеристики особенностей либерализма их автора, определения его места в либеральном движении. Между тем этот эпистолярный массив весьма информативен с точки зрения такой исследовательской задачи. Состоявшийся как литературный критик и мемуарист, Анненков лишь отчасти реализовал себя в качестве публициста, да и то на европейском (преимущественно французском) материале 40-х гг. XIX в. Возьмем на себя